

ции, собранные С.И. Руденко, хорошо аннотированы и имеют необходимые комментарии. Исследователь по возможности старался собрать материал, характеризующий жизнь изучаемого им народа с разных сторон. Уже в первых своих экспедициях он дополнял вещевые коллекции фотографиями и рисунками. Чаще всего проводились антропологические наблюдения и измерения [17, с. 48]. По мере возможности Сергей Иванович старался привлекать археологические источники. Стоит отметить, что определен-

ный вклад внес Сергей Иванович и в разработку теоретико-методологической базы советской этнографии [18, с. 110–112].

Комплексное рассмотрение изучаемых проблем было одной из главных особенностей научного подхода Сергея Ивановича Руденко. Органичное сочетание естественнонаучных и гуманитарных дисциплин (археология, этнография, искусствоведение, антропология, география и др.) проходит через весь творческий путь профессора.

Источники и литература

1. Rudenko S. I. Traditions et contes bachkirs // Revue de traditions populaires. Paris, 1908. Vol. 23. № 2–3. P. 49–63.
2. Rudenko S. I. Traditions et contes bachkirs // Revue de traditions populaires. Paris, 1909a. Vol. 24. № 4–6. P. 129–136.
3. Бикбулатов Н. В. С. И. Руденко и башкирская этнография // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 9–16.
4. Бородаев В. Б. С. И. Руденко и Алтай // Скифская эпоха Алтая: Тез. докл. к конф., посвященной 100-летию со дня рождения С. И. Руденко. Барнаул, 1986. С. 3–9.
5. Каримов К. К. С. И. Руденко — руководитель Башкирской экспедиции АН СССР (1927–30 гг.) // С. И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 40–52.
6. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Шмидт О. Г. Жизненный путь Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Жизненный путь, творчество, научная деятельность Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег. Барнаул, 2004. С. 9–21.
7. Крюкова Т. А. Коллекции С.И. Руденко в Государственном музее этнографии народов СССР // Этнография народов СССР. ГО. Отд. этногр. 1971. С. 15–20.
8. Кузеев Р. Г. Рецензия на книгу С. И. Руденко «Башкиры: Историко-этнологические очерки». М.; Л., 1955 // СЭ. 1956. № 2. С. 154–158.
9. Лыжникова О. Г. Этнографическое наследие Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Т. 3. Материалы 40-й РАЭСК. Новосибирск, 2000. С. 70–74.
10. Массон В. М. К 80-летию С. И. Руденко // СА. 1965. № 4. С. 233–239.
11. Руденко С. И. Алтайская экспедиция // Этнографические экспедиции 1924 и 1925 гг. Гос. Русского музея. Л., 1926. С. 61–78.
12. Руденко С. И. Башкирские сказки и поверия // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1973. Т. 5. С. 17–31.
13. Руденко С. И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.; П.: Изд-во АН СССР, 1955. 392 с., ил., 5 л. карт.
14. Руденко С. И. Географический и этнографический очерк Сибири // Вся Сибирь: Справочная и адресная книга на 1924 год. Л.: Изд-во Сев.-Зап. обл. отд. Глав. конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. С. 1–16.
15. Руденко С.И. Иногородцы нижней Оби (Этнографический очерк) // ТОЗ. СПб., 1914е. Т. 3 (1909–1918). С. 28–44, ил., 2 табл., 1 л. карт, 1 прилож.
16. Руденко С. И. Очерк быта северо-восточных казаков // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15. Сер. казахстанская. Казаки: Сб. ст. антрополог. отряда Казахской экспедиции АН СССР. Исслед. 1927. Л.: Изд. АН СССР, 1930а / Под ред. С. И. Руденко. С. 1–72.
17. Руденко С. И. Предварительный отчет об экспедиции на север Тобольской губ. // Отчет этнографического отдела Русского музея императора Александра III за 1910 г. СПб., 1912. С. 44–50. Приложение. С. 44–50.
18. Тишкин А. А., Лыжникова О. Г. Научная деятельность С. И. Руденко как опыт комплексного подхода в археологических и этнографических исследованиях // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000. С. 110–112.

Устная история в этнографических исследованиях: лингвистический дискурс

Т. К. Щеглова

Метод опроса очевидцев с целью получения информации является одним из самых древних в «летописании» (история) и «народоописании» (этнография). До формирования письменных архивов он являлся единственным способом получения источникового материала. В новейший период опрос носителей информации сохранял свое значение для фольклористики, лингвистики, этнографии; имел широкое распространение в историческом краеведении и жестко критиковался академической исторической наукой, которая не признавала его результаты достоверными. Особенно непримиримую позицию по отношению к устному источнику занимали историки Франции под давлением историко-экономической школы

Анналов (Ф. Бродель) и России с марксистско-ленинской методологией. Это привело к приоритету количественных (математических, а затем компьютерных) методов исследования в гуманитарных и социально-экономических науках.

В последние годы в исторических науках отношение к методу опроса изменилось, сформировалось понятие «устной истории» и «устного исторического источника», началось формирование архивов устных исторических источников¹. Одной из причин роста внимания к устной истории, потребовавшего существенной корректировки внутренней и внешней критики устного источника, является гуманизация исторических исследований. Она поставила в центр иссле-

¹ В Барнаульском государственном педагогическом университете архив устных исторических источников заложен в 1991 г. На сегодняшний день аудиоархив содержит более

1000 аудиокассет и транскрибированные материалы. Идет работа по оцифровке устных источников.

дования человека и привела к признанию движущими силами взгляды, представления, установки людей. «Человеческий фактор» придает устному историческому источнику комплексный характер и делает его многофункциональным. Информативность устного источника служит основанием для междисциплинарного анализа, в том числе этнографического. В этой статье речь пойдет об использовании устного исторического источника в этнографических исследованиях.

Именно в этнографических исследованиях негативные черты устного источника, такие как субъективность, индивидуальность, недосказанность, латентность, приобретают самостоятельное информационное значение, так как отражают объективную реальность – состояние личности и социума, маркируют те «человеческие факторы», которые являются движущими силами современной жизни. К ним следует отнести и маркировку традиционной культуры в поведении, взглядах, действиях членов современных модернизированных обществ. Этнографическую составляющую устных исторических источников усиливает способ фиксации информации. Именно с появлением звукозаписывающей аппаратуры «устная история» была признана полноправным самостоятельным направлением исторических исследований. Аудио- и видеозапись позволили исключить некоторые «претензии» противников устноисторического метода, в частности интерпретация (субъективный пересказ, искажение) исследователем-интервьюером рассказа респондента. Применение техники позволяет определить степень влияния исследователя на респондента во время опроса, выявить его нейтральность или предвзятость, тактику и стратегию опроса. «Стремление» устноисторического метода к объективности с помощью технических средств позволяет говорить о новом процессе в источниковедении – не просто сборе, а «создании» устного источника. Для этнографа же техническая фиксация устного исторического источника предоставляет возможность, воспроизводя запись, неоднократно наблюдать за поведением рассказчика во время интерпретации его прошлой жизни, его жестами, реакцией, междометиями, мимикой и другими проявлениями внутренней позиции, культуры или установок.

Устная история предполагает сознательную целенаправленную работу историка на основе подготовленных программ и опросников по сбору рассказов участников и очевидцев о событиях недавней (новой) истории. «Устная история» как метод исследования для современной этнологии является важным именно при изучении современных модернизированных обществ, в которых отсутствуют архаика, патриархальность как предмет исследования традиционной этнографии. Действительно, в большинстве западных стран певческая культура перешла в сферу профессионального эстрадного фольклора, стилизованного пения; традиционная танцевальная культура сохраняется путем ее воспроизведения профессиональными коллективами и в зрелищно-досуговой

культурно-массовой работе; декоративно-прикладное искусство сохраняется благодаря государственной поддержке центров народно-художественных промыслов. Модернизация разрушает материальную оболочку традиционной культуры. Это требует от этнографа поиска и применения новых методов исследования, и прежде всего духовной константы – этничности. Одним из них может быть метод «устной истории».

Исторический источник, полученный методом устной истории и трактуемый как «записанная на магнитофон историческая информация, почерпнутая из личных знаний говорящего» [1, с. 11], содержит трансформированную традиционную культуру, маркированную в духовной и материальной сферах жизни современного общества. Взгляды, настроения, суждения человека, оплодотворенные традиционной культурой, обладают не меньшей силой воздействия на исторические процессы в новейшее время, чем целенаправленная деятельность государства, партий, общественных организаций и лидеров. В предмет этнографических исследований превратился менталитет (душа) народа; одной из актуальных проблем современной этнологии стало изучение «этнических стереотипов». Отечественные этнографы, изучающие современное общество, наряду с традиционными методами работы в сельской (крестьянской) информационной среде, фрагментарно сохранившей традиционность, все чаще прибегают к междисциплинарным методам. Например, социологические методы, основанные на массовой выборке источника путем тиражированного анкетирования, широко используются в изучении самосознания. Визуальная антропология через зарисовки успешно занимается изучением этнических стереотипов и т. д. Устная история позволяет через анализ интерпретации респондентом прошлой жизни исследовать менталитет, мировоззрение, жизненные установки народа как этнического сообщества.

Предметом (темой) устноисторического интервьюирования являются исторические процессы, факты, события, очевидцем которых являлся респондент. Через их интерпретации и оценки проявляются установки человека, пристрастия, ментальные черты, семейные и общественные традиции, побудительные мотивы поведения и многие другие составляющие этнической субстанции народа или проявления этничности как в повседневной жизни так и в экстремальных условиях. При этом устный источник может содержать как готовый этнографический материал, так и опосредованный, т. е. вплетенный в оценочную канву рассуждений и мнений, отражающих этнические черты, установки и стереотипы. Например, использование метода устной истории при выявлении отношения респондента к таким недавним историческим событиям (1950–1970-е гг.), как укрупнение и ликвидация неперспективных сел, создает ценный этнографический источник, дающий информацию о традициях взаимоотношения сельского общества и власти в период советской модернизации и т. д. Интервьюирование на тему «Война

глазами женщин (детей)» дает качественный материал о традициях питания, о способах выживания в период голода и эпидемий. Интервьюирование по проблемам раскулачивания и колхозного строительства является для этнографа источником строительных традиций (каркасного, глинобитного, саманного, дернового), благодаря которым выживали спецвыселенцы из колхозов, семьи раскулаченных или вдовы¹. Вместе с тем в большинстве устных источников содержится информация, которая «выдает» этничность респондента, в этом смысле «каждое воспоминание — это смесь фактов и суждений, и каждое из них важно» [2]. Уже то, как воспринимают люди какое-либо событие, само по себе может являться отражением этнических стереотипов или установок.² При этом те издержки устного источника, которые критикуются сторонниками количественных методов в истории, становятся информативной «пищей» для этнографа.

Так, один из упреков, предъявляемых устной истории в отечественной практике, состоит в отсутствии достоверности и объективности информации, полученной из такого источника. Но это компенсируется его качественно иной содержательной субстанцией — традиционностью и этничностью, без которых, кстати, невозможна полная реконструкция исторического прошлого. Устная история рассматривает исторические события, значимые для человека, через его восприятие и тем самым выявляет этнические установки. В этом отношении устная история не является самодостаточным или уникальным методом, а использует методический арсенал психологии, антропологии, социологии, истории, этнологии. Именно поэтому синонимом «устного исторического источника» выступает «истолкование способа мышления», «толкование», «интерпретация», «личный опыт», что позволяет утверждать, что устные источники (устные истории) не просто излагают факты, а постигают опыт жизни конкретного человека или общества, в которой традиционная культура часто «выступала» как движущая сила исторического события или явления. Поэтому при характерном для отечественной академической исторической практики использовании устного источника только с целью изъятия его событийного содержания с последующим сопоставлением этих источников (устных свидетельств очевидцев) для проверки фактологической точности (достоверности) теряются «личные свидетельства», основанные на «субъективных» показаниях. В устных интерпретациях более значимым представляется именно «взгляд» на события, который не только интересен

этнографам, но и важен историкам для понимания причин исторических событий и выявления закономерностей. Как отмечал Т. Шанин, историческим событиям присущ дуализм [4, с. 318]: с одной стороны, фундаментализм, который поддается внешнему наблюдению и может быть представлен количественно; на основе количественных данных делаются обобщения (статистический и фактологический анализ), — к сожалению историки часто этим и ограничиваются, — с другой стороны, способность сельского сообщества и его членов по-разному реагировать на исторические события, саморефлексия, право выбора, ошибок и их предупреждение, поведения и поступков и тому подобные характеристики, для изучения которых требуются особые методологические подходы и средства. Метод устной истории в этом смысле вполне самодостаточен. Джоан Сангстер считает, что в устных источниках «чувство времени информантов не является строго линейным», а сами «устные свидетельства неценны для историков, ищущих такую информацию, которую трудно или невозможно найти в письменных документах» [5, с. 66]. Устная история используется для выявления эмпирических закономерностей, т. е. тех закономерностей, которые формируются под влиянием личного и общественного, повседневного и исторического опыта, традиций и новаций. Другое дело, что часто именно эти параметры личной позиции респондента не формулируются открыто и прямо, а вплетены в языковые конструкции рассказа, стиль изложения (насмешливо, сочувственно, с юмором) или манеру поведения (агрессивно, настороженно, скованно и т. п.). Российский устный исторический источник отличается латентностью, поэтому для этнографа, работающего с ним, важен лингвистический анализ.

Устойчивыми в устных источниках, например, является эмпирическая закономерность противопоставления центральной (гарант справедливости) и местной (супостаты) власти; общества и власти (мы и они). Современная устная традиция продолжает сказочную традицию борьбы добра со злом, иронии и сарказма в отношении власти и чиновников. Примером является устный рассказ-интерпретация С. И. Гуляева о колхозной жизни и новых начальниках, в повествовательной ироничной манере (форма народного рассказа) выражается отношение к формированию командно-административной системы управления сельским хозяйством: «Было одиннадцать колхозов. Все поели: коров, лошадей. Распустили. Потом опять собрали. Одиннадцать председателей, одиннадцать заместителей и одна старуха вяжет, они над

¹ Устные исторические источники использовались автором при подготовке ряда материалов о крестьянской архитектуре и строительных традициях. Например: Щеглова Т. К. Сохранить памятники материальной культуры крестьянства XIX — начала XX веков // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 273–275; Она же. Состояние традиционного крестьянского жилища в предгорьях Алтая: по материалам полевых исследований // Этнография Алтайского края. Барнаул, 1994. С. 11–20; Она же. Жилые и хозяйственные постройки с. Усть-Калманка: из опыта этнографического исследования // Этнография Алтая.

Барнаул, 1996.. С. 111–125; Она же. Из опыта реконструкции родового гнезда с. Смоленское (по полевым исследованиям 1993 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. V. Ч. 1. Барнаул, 1994. С. 241–246, и многие другие.

² См: Щеглова Т. К. «Народная этнография»: представления об этнокультурных и этносоциальных группах в современной деревенской среде // Этнография Алтая и современных территорий. Вып. 4 / Под ред. Демина М. А., Щегловой Т. К. Барнаул, 2001. С. 35–44.

ней командуют». Еще более ироничное (издевательское) отношение – в характеристике присланного из города председателя колхоза, который для знакомства с вверенным ему хозяйством прошелся по деревне и пытался давать советы: «Бабы коноплю мяли, а он говорит им: „Хорошо, на семена пойдут“». Информатор подчеркивает чуждость «чиновника» крестьянскому миру.

Вместе с тем традиционно враждебные установки к «деревенским чиновникам» долгое время проявлялись в иносказательной или латентной (скрытой) форме, которая постигается через анализ языка (дискурс), что укрепляет союз этнографии с лингвистикой; происходит сращивание методов устной истории с лингвистикой. Рассмотрим это на примере рассказа крестьянки А. С. Косачевой-Ковыршиной: «Когда стали заставляли из Петровки наш дом перевозить в Чернопятово... мы с мужем в Касмалу вернулись. *Взяли колхозный дом, отремонтировали. Тут приехали председатели колхоза и сельсовета: отдайте дом для нового счетовода [противопоставление: мы (крестьяне) – они (чиновники)].* А я вечером в передний угол повесила портрет Ленина (психологический прием смещения православной традиции и политического экстремизма) и когда председатели снова пришли, я им говорю: «А вот вы сначала его вынесите! – И показываю на Ленина. Остальное я сама вынесу». Они опешили [информатор выразила так ангажированность и зависимость советских государственных и партийных деятелей тоталитарного режима]. Как так? Я им: „Он нам не такую жизнь обещал!“ Долго нас не отпускали, мучили. Потом мы решили написать главному по сельскому хозяйству в Москве (Полянскому) [монархические настроения, вера в справедливого царя]. Письмо аж в Новосибирске спустили [традиционное неверие и уверенность в тотальном контроле и беспределе местных властей]. И все! Оставили нас!» [добро победило и правда восторжествовала традиционным путем заступничества верховной власти перед местными чиновниками-самодурами]. В данном случае «лингвистический переворот», свершившийся в истории и этнографии, придал устной истории «второе дыхание».

Лишь в последние годы сельчане стали более открыто высказывать свои суждения, хотя до сих пор сохраняется «страх перед словом» (русские исторические реалии отличались репрессивностью власти). Лингвистический анализ современных устных интерпретаций показывает сохранение враждебных установок к местной и надежду на вмешательство

центральной власти, перенесение вины за просчеты, ошибки, беззакония с государства на местную администрацию: «Деревню раскурочили начальники. Начальникам-то делать нечего» (К. К. Кирьянова). Жесткие методы реализации советской политики (репрессии, депортации) ассоциировались «со своими же» (непосредственными исполнителями) и выработали чувство беспомощности перед местной администрацией. «Раз верхние склоняют: куда ведут – иди». Протест проявился через «словесное творчество» (анекдоты, устные иронические рассказы и т. п.). Например, в народных толкованиях укрупнения колхозов при негативной в целом оценке самого процесса, приведшего к ликвидации родных мест, одобрение получило только одно – «удар по начальникам». Именно эти чувства проявились в рассказе П. И. Бухтоярова: «Решили укрупнить села, а зачем – не знаю. Из мелких шести сел печати забрали, одному дали. Укрупнили – меньше дармоедов стало, председатель один». Во всех «устных» интервью об аграрных преобразованиях лингвистическая составляющая отражает негативные установки сельских жителей по отношению к местной власти – «разогнали» [село], «ликвидировали», «закрыли», «аннулировали»¹.

Эта эмпирическая закономерность, выведенная из жизненного опыта, позволяет некоторым этнологам, политологам, психологам говорить о монархичности русского народа, о монархической традиции власти, монархических чувствах российского общества, о доверии к крепкой руке и т. п.

Культура устного рассказа в сельской среде отличается заметным проявлением внутреннего мира человека, сохранением традиционности. Устный исторический источник – пересказ происходящих в прошлом событий через собственное мироощущение. Через собственный опыт формировалось и самосознание отдельной личности и социальных групп. Именно эта субстанция является предметным полем этнографии, лингвистики и одновременно устной истории как «метода, по своей природе ориентированного именно на субъективное восприятие истории через призму отдельной личности» [6, с. 13]. В чистом виде этнографический материал в устных источниках встречается реже, он отражается через мироощущение, мировосприятие, мирописание, в котором нужная информация может быть латентна, завуалирована или вплетена в повествование. Именно поэтому для этнографа важен лингвистический анализ устного исторического источника. Хотя по ряду проблем прошлого устный источник наряду с исторической информацией содержит материал по этнографии².

¹ Более подробно об этнической модели поведения в период противостояния общества и советской власти во время аграрных преобразований 1950–1980-х г. см.: Щеглова Т. К. Алтайская деревня в 1950–1970-е гг.: устная история безгласного большинства // История Алтайского края. XVIII–XX вв.: Научные и документальные материалы / Редкол. Т. К. Щеглова (ответ. ред.), А. В. Контев. Барнаул, 2004. С. 387–418; Она же. Деревня Солонешенского района в XX в.: устная история (из опыта устноисторического анализа) // Солонешенский район: Очерки истории и культуры: Сб. науч.-практ. материалов // Науч. ред. Т. К. Щеглова.

Барнаул: Изд-во БГПУ, 2004. С. 110–144.; Она же. Устная история как источник исследования сибирской деревни // Сибирская деревня: проблемы истории: Сб. науч. тр. / Под ред. чл.-кор. РАН В. А. Ламина / Новосибирск. гос. ун-т. Новосибирск, 2004. С. 142–154, и др.

² В частности, очень насыщенный этнографический материал собирается по проблеме миграций, спецпереселений в советское и постсоветское время. См., напр.: Кидяева Г. В. Этнонациональный состав населения Зонального района в 1940–1950-е г. Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул: Управление архивного отдела администрации Ал-

Сейчас хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность устного исторического источника, в которой сфокусировались усилия этнографии, фольклористики, лингвистики и устной истории. Это продолжение в устном историческом источнике устной повествовательной традиции с сохранением канонов жанра. А для его анализа также необходим методический арсенал лингвистики.

С помощью лингвистического дискурса изымается этнографическая информация в устных историях о репрессиях и разрушении церкви в 1930-е г, имеющая огромное значение для понимания русской культуры, менталитета, истории. Именно в интерпретации антицерковных событий 1930-х гг. более всего сохранилась устная народная традиция с ее склонностью к мифологизации, иносказательности, латентности¹. Анализ устных источников по разрушению церквей показывает, что в мировоззрении советского поколения крестьян сложилась дуалистическая картина мира – традиционные православные представления и советско-партийные установки. Устные исторические источники о разрушении церквей представляют благоприятные возможности снять «тонкую корку напластований „новой морали“ еще недавно коммунистической души...» [7, с. 83] и выявить пути и формы развития современного устного народного творчества (сказительство, историческое повествование).

Отображение прошлого осуществляется разными путями и в разных формах, как любят говорить устные историки-практики, «прошлое живет в настоящем разными способами». Именно поэтому в его изучении пересекаются пути этнографов, историков, фольклористов, лингвистов и др. Записанная история (отображение) – это интерпретация событий, которая оформляется с помощью доводов, мнений, речевых рисунков, связанных смыслом и грамматическим построением. Поэтому интерпретация (отображение прошлого) обычно осуществляется на определенном уровне речи, который некоторые устные историки предлагают называть «жанром». Как и письменные, устные жанры имеют внешнюю и внутреннюю форму, которая часто определяется конкретной ситуацией, мироощущением и мировоззрением респондента т. д. Экспедиционные материалы показали, что рассказы о разрушении церкви и разрушителях «переместились в область устного предания и стали со-

существовать наряду с мифом, полностью превратившись в элемент традиционной народной культуры... пройдя переработку в народном сознании путем интерпретации событий в народном духе» [8, с. 102]. В этом же духе сочинялись сказки, былички и мифы. В устных исторических источниках действительно происходит мифологизация реальных событий, традиционно оформленных в соответствии с ментальными особенностями сознания современного сельского населения – носителя традиций крестьянского (восточнославянского) мира. Недаром лингвисты и фольклористы народные рассказы о закрытии и разграблении церквей рассматривают как «процесс образования нового жанра – жанра возмездия за поругание православных святынь... Рождение нового жанра, как рождение сверхновой звезды, сопровождается «выбросом» в традицию огромного количества вариантов этого сюжета, с каждым годом все более приобретающего канонические жанровые признаки» [9, с. 96].

В сознании сельских старожилов существует огромный пласт воспоминаний, ставших преданиями, о наказании людей за участие в разрушении православных храмов. Во-первых, форма этих преданий в разных местах структурно одинакова. Завязка – рассказ о жизни сельского прихода до принятия решения о разрушении храма. Кульминация – разграбление церкви, разрушение колокольни, сбрасывание крестов и колоколов, сожжение или уничтожение икон. Развязка – возмездие, которое касалось как самих разрушителей, – гибель, неизлечимая болезнь, так и тех зданий, на которые использовался строительный материал, – несчастья, пожар и т. д. Е. И. Вдовина (Шубенка Зонального района) образно определила судьбу участников разрушения Покровской церкви в 1948 г.: «Кто ломал, тех Бог наказал: у кого глаза не глядят, у кого ноги не ходят». Во-вторых, во всех преданиях участвуют две силы (два участника), которые противостоят друг другу. Первая – «разрушители», в их роли выступали инициаторы, как правило, партийцы, комсомольцы, организаторы колхозно-совхозного строительства, руководители сельских администраций. Так, в с. Старая Тараба Кытмановского района главным действующим лицом разрушения была Марфа-сельсоветчица. Именно она, по словам супругов Брюхановых (Кытманово), являлась

тайского края, 2003. С. 230–241; Она же. Переселения из Средней Азии и Казахстана в 1990-е г. на территорию Верхнего Приобья (по устным источникам) // Бийский Район: История и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова: В 2 т. Т. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 89–97; Щеглова Т. К. Межэтнические взаимоотношения на Алтае в период депортаций и спецпереселений 1940–1950-х гг.: факторы этноконсолидации и этнодифференциации (по устным источникам) // Проблемы этнического сепаратизма и регионализма в Центральной Азии и Сибири: история и современность. Материалы науч. конф. Барнаул, 13–14 сент. 2004 г. ТГУ, АГУ. С. 108–118..

¹ См подробнее: Щеглова Т. К. Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая (по источникам о разрушении церквей) // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к

юбилею профессора Е. И. Соловьевой): Материалы регион. науч.-практ. конф. (Новосибирск. 15–16 апр. 2004 г.). Новосибирск, 2004. С. 173–176. Она же. Значение устной истории в изучении сознания русского населения Алтая на примере интерпретации разрушения церквей. V конгресс этнографов и антропологов России. Омск. 9–12 июня 2003 г. Тез. докл. М., 2003. С. 84; Она же. История разрушения православных церквей в 1930-е гг. на Алтае: комплексное использование устных исторических источников // Краеведческие записки. Вып. 5 / Комитет администрации Алтайского края по культуре и туризму, Алт. гос. краевед. музей. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2003. С. 125–137; Бийский район: история и современность / Отв. ред. Т. К. Щеглова: В 2 т. Т. 1. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. С. 50–71.

активисткой, организовала вынос икон, бросала их на землю и топтала, призывая односельчан к тому же. Впоследствии, по словам рассказчиков, ее постигла тяжелая болезнь – «слегла и так и пролежала, пока не сгнила») [личный архив]. Вторая группа участников – «безмолствующая толпа»: жители села, члены приходской общины. Прихожане отнюдь не являлись покорными свидетелями. По описаниям старожилов, неприятие происходившего выражало их поведение: ропот, отказ от участия в действиях. Зафиксированные случаи открытого противодействия в виде крестных ходов, покушений на разрушителей были немногочисленны. В основном их протест был пассивным.

Рассказы старожилов позволяют предположить, что причина пассивности сопротивления состоит в приверженности православному учению. При огромном эмоциональном ударе, который прихожане испытывали при разрушении святынь, они были убеждены, что наказание за такое кощунство – не их дело, а – самого Господа. И оно неотвратимо. Об этом говорят предания о судьбе разрушителей. Показательным является записанная в Соколово устная история о возмездии богоборцам за поругание православных святынь. Решение о поджоге, по свидетельству старожилов, было принято на «каком-то собрании». Поджигателями церкви называют Василия Бекельмешева и Е. И. Симонова, которым нашлись помощники. М. В. Макрушин так рассказывал: «Три комсомольца зажгли ее, нагадили там». Возмездие наступило быстро: «Один, который поджег, до дому добежал, в избу не успел забежать, около крыльца упал, его всего перекорежило, и тут прям умер, Перекорежило так, что не могли его хоронить. Его всего, руки, ноги ему ломали, чтобы в гроб его сложить. Вот тут *или бог его наказал, или его самого перекорежило с испугу*». О наказании другого в виде отречения и проклятия родного отца рассказала В. Н. Шадрина: «Сжег [церковь] Бекельмешев Василий и Дедков Степан. Бекельмешев был секретарем поссовета, а Степан был староста, что ли, богомольный был, а почему сделал, не знаю. Говорят по народу, что Дедков направлял жечь. Дедков умер в глубокой старости, а Бекельмешев – молодым. Когда ему сделалось плохо (после возвращения домой. – Т. Щ.), он отцу признался. Тогда тятей звали. Вот он и говорит: тятя, я сжег церковь. А отец как сидел на печи, так и сидел (не слезил с печи), пока он [сын, поджигатель] не умер. Это все... схоронили... похоронная процессия прошла, до тех пор с печи не слез».

В рассказах о разрушении церквей интерпретация событий позволяет выявить сложное отношение современных (постсоветских) крестьян к вере. Лингвистический анализ показывает, что за внешней бравадой в глубине души скрывается страх за возмездие, за внешним неверием – вера или внутренняя раздвоенность, за отрицанием бога – его присутствие в сознании и поведении человека и т. п. Латентная информация содержится в особых речевых построениях информанта. В рассказе И. М. Соколова (с. Смоленское) скрытая информация или то, что респондент не хотел рассказывать (сомнения в атеизме, осуждение

безверия) проявилось в некоторых фразах: «С церкви когда снимали колокола... сначала наняли двух мужиков, они окошечко проббили – *выглянут – страшно. Да и суеверия большие*». В последнем случае оценка «страшно» связано именно с верой, которая названа респондентом «суевериями», а в официальном советском языке – «религиозными предрассудками». В данном случае позиция респондента раздваивается между традиционными установками и советскими ценностями. Это же проявилось в его рассказе о разборе церкви: «Церковь была кирпичная. Ее разбили. Нас, мальчишек, нанимали чистить кирпичи. Известковый раствор – ничем не возьмешь. Кирпичи тяжелые – около 4 кг. Бросали с высоты 10 м, и не колотся. Потом построили за рекой баню, часть увезли в Верх-Обское, Линевское. Кто не боялся греха – крали». Еще ярче переплетение религиозного сознания и советской идеологии проявилось в речевых оборотах респондента из с. Соколово М. В. Макрушин, который так комментирует парализацию разрушителя церкви: «Один, который поджег, до дому добежал, около крыльца упал, его всего перекорежило. Вот тут его *бог наказал или самого перекорежило*» [11]. В последней фразе, с одной стороны, проявились ценности, которые человек получал от новой власти в результате советского воспитания («перекорежило от страха»), с другой – генетическая память и православная традиция («бог наказал»), которая в советский период поддерживалась и воспроизводилась старшими женщинами, выполнявшими роль воспитателей в семье. Это показывает, что полного уничтожения традиционного религиозного мировоззрения не произошло, оно существовало параллельно и сыграло роль фактора, ускорившего падение советского режима в 1990-е гг. Таким образом, в устных источниках о разрушении церкви воссоздается многомерная картина мира, анализ которой уже может интерпретироваться разными специалистами, в том числе этнографами.

Именно в устной истории о «церковной вакханалии» 1930-х гг. этнографу представляется уникальная возможность непосредственно наблюдать процесс функционирования живой устной традиции. Рассмотрим «облечение» устных историй о судьбе колоколов и икон в словесно-структурную оболочку устной народной традиции. В с. Буланиха Зонального района под Бийском сформировалось местное предание о снятии крестов и икон, в особом словесном ритме которого отразились ментальные сюжеты традиционной культуры об обреченности зла в борьбе с добром, о божественной силе: «Крест снимали (а колокола и крест снимали с помощью тракторов – цепляли трактором и тащили) – крест сорвался, пробил деревянный настил (др. вариант у рассказчиков – пробил крыльцо) и ушел под землю» (в других вариантах его закопали под крыльцом). Далее в соответствии с народной традицией следуют не поддающиеся логике и разуму события: «Потом его *искали – не могли найти. Даже бульдозерами рыли – не нашли...*» В Соколово во время устроенного пожара церкви также пропал колокол, и среди населения до сих пор бытует ле-

Интервьюер Г. В. Кидяева. Чарышский район, 2004 г.

генда, что «если церковь состроят, то и колокол появится... говорят, что где-то спрятан. А самый главный колокол, он ушел до половины в землю...» Дальнейшая его судьба также не подлежит здравому объяснению. Как пытаются объяснить старожилы, «или расплавился, или что».

Интересно, что рассказчики, не участвовавшие в разрушении, а лишь являвшиеся его свидетелями, не снимают часть вины с себя, со своего поколения. Их покаяние проявляется в наши дни в процессе повсеместного восстановления церквей, что привело в народных историях к появлению оптимизма, связанного с православной традицией искупления собственных грехов, грехов родителей, дедов, односельчан. Этот оптимизм содержится в многочисленных преданиях о чудотворных иконах, о восстановлении иконописи, храмовой росписи. В с. Буланиха при разрушении церкви жителями были спасены (как и повсеместно на Алтае) многие иконы: «Ряд икон были жестяными. Одну из них использовали для накрывания воды. Она сильно потемнела, и *потерялись* лики. Непонятно, что это за икона. Когда *стали* восстанавливать церковь, ее унесли, она *стала* очищаться, проявлялись краски, и все увидели *святых Кирилла и Мефодия*, которые несли образ Святой матери» [9]. В с. М.-Угренево Бийского района бытует народное повествование о чудотворной иконе «Божья Мать Явленная». По рассказам старожилов, «она находилась в Троицкой церкви (большая, крашеная, два купола, колокольня; колокол большой был, звонить начинали – в Енисейском слышно)... Тут рассказывают, как она являлась... в ручье. Как ее поймала девочка. В Мельничном ручье, он шел с рудников... Его потом сровняли с землей, когда согру осушали... Пришла [девочка] купаться, а плавает досточка. Это и была икона. Принесла домой. Ее поставили на божничку-то, хватились, а ее нет... Пошли, она опять в реке плавает. И только этой девочке давалась и никто ее не мог взять. А потом ее понесли в церковь... потом хотели забрать в город... Положили в ящичек, и вот в гору-то стали подниматься – кони не идут. Осталась она в нашей церкви. А когда нашу стали ломать, ее увезли в Покровскую... Когда Покровскую разламывали – выбросили...» (Шейн А. А., 1925 г. р.) Именно с чудотворными иконами многие жители Бийского Приобья связывают появление святых ключей, которыми сего-

дня изобилует территория (села Енисейское, Верх-Бехтемир, М.-Угренево). Так, например, по словам старожилов, под М.-Угренево, место мельничного ручья, где «поймала девочка икону... сровняли с землей, когда согру осушали...», а в окрестностях появился ключ. П. П. Дивитириков уточнил: «Явленная Божья мать приплыла по реке... когда согру сушили, целину поднимали, засыпали... Сейчас пробил святой ключ. Там часовня. Крест стоит». На этом основании Е. Н. Ковалькова (1925 г. р., М.-Угренево) считает, что в нем «чистая, святая вода. Там у нас иконка и крест стоит, освященная вода, целебная, ото всего».

Таким образом, анализ устных исторических источников показал, что российские варианты отличаются от зарубежных аналогов наличием значительной латентной информации, которая изымается путем лингвистического дискурса. Прежде всего, в силу особенностей российской исторической традиции в латентную оболочку спрятаны ментальные черты, этнические установки, стереотипы, представления. С помощью лингвистического анализа устных исторических источников можно констатировать и сохранение жанровых признаков устной традиции, этнокультурного колорита.

Наконец, для этнографа важна регионализация устного исторического источника. Это особенно актуально для сибирской этнографии. Сибирская история формировалась в процессе постоянных миграций. История Сибири представляет собой историю формирования и развития историко-культурных групп. Историко-культурная лоскутность влияла на ход исторических процессов в Сибири. Наличие локальных этнографических групп приводило к региональным сценариям исторических событий. Именно поэтому интервьюирование их очевидцев и участников способствует сбору материалов о самосознании этих групп, этнической психологии и т. д. В связи с этим важной особенностью устного источника является его конкретно-историческая содержательность, отражающая социокультурную и этническую ситуацию изучаемого региона.

Региональность исторического процесса на конкретной территории также проявляется в лингвистической составляющей устного рассказа. В частности, язык устных повествований старожилов отдаленного горного Солонешенского района отражает особенность его заселения и этнографическую мозаичность: переселенцы разных волн воспринимаются ими как люди, ищущие в солонешенской земле убежища от властей. Так, старожил Л. Т. Денисов интерпретировал заселение Москалевки на р. Сибирке в конце XIX в. «беженцами с России. Их стали обижать в России». Такая оценка имела под собой основание: в XIX в. все земли Алтайского края за военной линией, в том числе современный Солонешенский район, являлись территорией, вбирившей всех беглых. Генетическая память о разных категориях «беженцев» лежит в основе интерпретации заселения его территории самими старожилами, среди которых преобладали старообрядцы, также являвшиеся изначально беженцами из-за преследований за веру. Память о пер-

вопричинах переселений предков сохранялась благодаря традиции устных семейных преданий. Например, Калинину, основали «переселенцы», которые *«бежали из деревни в деревню без документов»*. В Сибиряху «первые беженцы приехали в Сибирку (Сибиряха), Башцелак, Большую Речку и *затерялись»*. Такая народная интерпретация близка научной версии историков и этнографов. По их мнению, в заселении земель Солонешенского района большую роль сыграли несанкционированные переселения староверов, беглых, каторжан. Своя локальная история и культура отражаются в устных исторических интерпретациях сельских жителей старожильческо-мордовского Залесовского, горного старообрядческого Солонешенского, лесостепного старожильческо-переселенческого Усть-Калманского или степного переселенческого Кулундинского районов. «Изъятие» локального материала из устного источника особенно эффективно осуществляется посредством лингвистического анализа.

Личный опыт человека, его представления, взгляды, несомненно, влияли на форму и ход происходящих событий и выражались через речь. Их изучение как раз и сопрягает тесно устную историю с лингвистикой. Об этом первыми заговорили зарубежные исследователи. Такой подход сформировался в западной науке к концу 1970-х гг. и, собственно, вызвал «лингвистический переворот» в социальных науках. Этот «переворот» оказал глубокое влияние на устную историю, привел к пересмотру исследовательской проблематики и подходов. Языку отводилась значительная роль в «создании особой реальности в человеческом сознании», через язык эта реальность отражается и в устных исторических повествованиях. Признание нового подхода автоматически повлекло за собой признание со стороны исследователей процесса «размывания границ между «реальными фактами» и их восприятия людьми. В отечественной научной практике границы между историей, лингвистикой и этнографией пока не стали прозрачными, поэтому потенциальные возможности устного исторического источника не вычерпываются до конца. Этнографические составляющие источников в сугубо исторических интервью могут проявляться в одной фразе, предложении и даже слове. Для реальных фактов в интерпретации очевидцев находится ключевое слово, которое, собственно, и может служить ключом, открывающим дверь к этнографическому материалу. Например, в толковании образования новых сел в колхозный период (1930-е гг.) возобладала термин «организовали» (колхоз), «сорганизовали» (отделение, ферму), «образовали», что в корне меняло сущность процессов размещения и формирования поселковой сети в советское время. В предыдущий период инициатива шла снизу, от крестьян, в колхозное время — сверху, от партийно-чиновничьей администрации. Крестьяне отметили кардинальное изменение принципа селообразования еще одним ключевым словом — «искусственное», «организованное» село. Подтекстом слышится недоверие к новой власти, ей приписывается неспособность решать такие вопро-

сы, как основание деревни: например, «образованную» Рыбинскую ферму (позже отделение Солонешенского совхоза) расположили «в неудобном месте, связь существовала только зимой, летом трудно было проехать. Уже после войны в ней насчитывалось около 10, а в 1952 г. — 5 домов». Административным путем был образован «огород»: «сначала у совхоза был огород, а потом сорганизовали деревню». «Искусственным селом» назвали старожилы поселок Партизанский: «образовался колхоз и создали ферму»... «село искусственное — ссылали перед войной немцев, в 1946 г. — молдаван, тифозников». Таким образом, старожилы осудили административный способ формирования и размещение сети сельских населенных пунктов в советское время.

В целом лингвистический анализ устноисторических исследований позволяет говорить о довольно высоком уровне объективности субъективного отражения исторического процесса. Устные интерпретации укрупнения колхозов и ликвидации сел имеют одинаковую словообразующую конструкцию, отражающую традицию устного народного творчества, в том числе мифологизацию реальных событий [11]. В устных рассказах о гибели родных сел, так же как и в истории о разрушении церквей, есть добрые и злые силы, завязка и развязка, определенный словесный ритм повествования и структура рассказа. Все рассказы начинаются одинаково: «Жили — не тужили». Концовки также похожи: «Разъехались кто куда... жалко... плакали». Такая одинаковость отражала объективность «субъективных толкований» реализации аграрной политики и одновременно традицию устного рассказа. Устные источники выявляют повторяющиеся формы человеческих взаимодействий как результат многофакторности развития, с одной стороны, государственной политики, идеологии, с другой стороны — ментальности, мировоззрения рядовых участников, их отношения к преобразованиям. Достоверность субъективному восприятию истории придает отражаемая в устном повествовании региональная специфика локальной истории.

В этом смысле «личные истории» при том или ином событии «полезны для того, чтобы представить какую-либо социальную группу более зримо». Они отражают ментальные и социопсихологические процессы, происходящие в обществе. В устных преданиях лингвистическая составляющая отражает не только принадлежность человека к той или иной этнокультурной или социальной группе, но и напластования, сформировавшиеся под влиянием внешних факторов (политики, идеологии, культуры). Интересен язык повествования Л. Т. Денисова, 1910 г. р. Он является выходцем из семьи старожила, со старожильческими стереотипами; с другой стороны, он занимался советско-административной деятельностью: являлся председателем Большереченского сельсовета. Язык его повествования отражает целую эпоху — XX столетие. Как советский администратор, он оперирует словами «кулацкая мельница», село «ликвидировали», «аннулировали». Как старожил, он хорошо помнит дедовскую жизнь, когда земля «брату досталась

на пай, и он уехал на заимку». «Персонализированная» форма рассказа помогает формировать этнокультурное и социополитическое понимание событий, стоящих за ним сил, структуру взаимоотношений. В этом плане удачным представляется использование термина «толкование» для интерпретации происходящих событий очевидцами и участниками, а для самих рассказчиков – «толкователи». Такой подход отражает аргументы каждой стороны, позволяет сравнивать позицию той и другой стороны и диагностировать перспективу социального и политического развития.

Таким образом, устную историю как самостоятельное направление современных исторических исследований и этнографию, находящуюся в состоянии поиска нового исследовательского инструментария, сближают метод получения информации путем интервьюирования участников и очевидцев прошлого и сам характер устного исторического источника, созданного «с помощью диктофона, путем записи воспоминаний, описаний или интерпретации событий из недавнего прошлого, которые представляют историческую значимость» [3, с. 42]. Взаимодействие этнографии и устной истории в сфере сбора устных исторических источников приводит к взаимообогащению. Устноисторическим хроникам (историкам-практикам) нужно взять на вооружение орга-

низацию опроса и богатый опыт работы этнографов с респондентами; качество работы этнографов улучшит принцип фиксации беседы техническими средствами (что существенно и содержательно дополняет традиционную работу с полевыми дневниками и другой документацией). Полезным для этнографов является опыт формирования архивов устных исторических источников, их научно-справочное оформление и хранение. Для этнографической практики создание личных текстовых коллекций с ограничением доступа к ним других исследователей. В результате многие авторские текстовые и вещественные коллекции этнографов, закрытые при их жизни и находящиеся на руках, исчезают после их ухода из жизни. Есть претензии и к оформлению научно-справочного аппарата этнографических источников. Необходимо прийти к единству требований и унифицировать их хранение. Есть проблемы и в оформлении этнографических текстовых материалов личных или музейных коллекций. В отличие от этнографических полевых дневников и записей, архивы устной истории формируются в соответствии с разработанными едиными требованиями как к оформлению, так и к хранению. Эти требования служат делу сохранения материалов, а правила пользования ими регламентируются договорами, защищающими авторские права.

Источники и литература

1. Новый сокращенный оксфордский словарь английского языка // Пол Томпсон. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М.: Весь мир, 2003
2. Oral history Association (United Kingdom), www.ohs.org.ru, янв. 2003.
3. Хоффман А. Достоверность и надежность в устной истории // Биографический метод: история, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994.
4. Шанин Т. Методология двойной рефлексии в исследованиях современной российской деревни // Ковалев Е. М., Штенберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999
5. Сангстер Д. Рассказывая наши истории: дебаты феминизма и использование устных историй // Воспоминания женщин: устные истории переходного периода. Теория и практика: Сб. стат. Бишкек, 2001.
6. Лоскутова М. В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
7. Щербинина О. Среди двора стоит престол... // Родина. 1997. № 2.
8. Левкиевская Е. «Без Господа Бога ни туды и ни сюды...»: Православие глазами современного русского крестьянина // Родина. 1997. № 5.
9. Левкиевская Е. Народ безмолвствует? Советское богоборчество глазами русского крестьянина // Родина. 1997. № 8.